



Хороша! Как прошлась по лучу  
В золотящемся тоненьком свитере.  
Да святятся земные святители,  
Прикоснувшись к такому плечу.

На снимке Александра Каслова солистка ансамбля "Забайкальские казаки" Лариса Наконечная.

# ЧИТА

## литературная

№ 1

8 июня 1996 г.

**Д**уховное горение и творческая жизнь — преемственны. Начиная с 60-х годов, в Чите, после закрытия альманаха "Забайкалье", появляется литературная страница в "Комсомолец Забайкалья" — "Гуран", затем "Кедр" и "Лик" в "Забайкальском рабочем", позже вновь возобновляется и затухает алма-

нах, начинаются первые выпуски "Литературной Читы". Это можно объяснить как господствовавшими в свое время идеологическими установками, организационными и финансовыми причинами, так и творческой волей, инициативой, энтузиазмом отдельных представителей художественной интеллигенции.

"Чита литературная" задумана не как чисто "писательское" издание, а как газета всей творческой интеллигенции области: писателей и артистов, композиторов и художников, архитекторов и журналистов, краеведов, историков, археологов, фотомастеров, работников культуры, переводчиков, деятелей науки, учителя — всех, чья духовная энергия и творческая воля пульсируют в любые времена, ищут и пробивают дорогу к умам, душам и памяти современников.

"Чита литературная" не будет иметь редакции как некоего направляющего органа, эстетически властвующей или господствующей команды, тем более, одного лица. В следующем номере мы опубликуем состав редакционного Совета, роль которого предлагать на страницы издания то или иное произведение. Критерием отбора, конечно, будет художественная ценность, талант и мастерство, высокий дух гуманизма, свободное слово, возрождение духовного потенциала российского общества в далеком Забайкалье.

Мы думаем, что трава будет расти и после нас, что цветущее поле российской словесности, культуры, искусства, науки и просвещения народа даст зрелые плоды и в нашем суровом климате.

Инициативная группа.

### Красная строка

Моя последняя книга стихотворений "Огонь пролетающий" вышла около десяти лет назад. С того времени печатаюсь мало — нет желания распахивать душу, хотя написан целый том новых стихов. Может быть соберусь с духом, найду спонсоров... А эти стихи — горячие, только что отпечатанные на много перетерпевшей и много помнящей машинке поэта.



Михаил Вишняков

Борису Иванову

#### КУБОК ЗОЛОТОЙ

Вот, наконец, мне дали власть над Кубком золотой.  
В нем яд и мед, и желчь, и сласть, и поздней славы дым.  
Я залпом осушил его за жизнь, любовь и честь.  
Но... Не случилось ничего, да ничего как есть.  
Сверкала в полночи звезда.  
Гремел вселенский хор.  
Толпились люди и года — всей пестрой жизни сор.  
Тогда, совсем не без причин, я впал в такой покой.  
Один весьма высокий чин махнул на то рукой.  
Пришло письмо издалека, из нежно-юных лет.  
Писала женская рука:  
— Зачем ты пил, поэт?  
Глаза от ужаса раскрой, но душу не растли.  
Ни бог, ни царь и ни герой в том счастья не нашли...  
Раскрыл от ужаса глаза, как вороны крыло:  
гремела в обществе гроза и больше ничего.  
Но был ответ с небес простой: грозу не раздражать; а тяжкий Кубок золотой лишь — можешь ты держать...  
Отмечен страстью роковой

все шеее любить,  
уйди сегодня под конвой,  
чтоб вечно вольным быть.

Счастливые книжки писал один мой знакомый писатель, потом он отстал и устал, задумался, словно некстати. Уехал в деревню, замолк. Писательство — перегорело. Живет на свободе, как волк, суровый и заматерелый. Тропа заросла трын-травой, и критики адрес забыли.



Шумят над его головой великие дребри Сибири.  
В избушке тепло по утрам, а холодно — печку раздует.  
И вольно здесь снам и ветрам, не тесно хорошим раздумьям.  
Прямой, как забытая честь.

живет, ни к чему не готовясь. Собой представляя, Бог весть, какую счастливую повесть.

\*\*\*

Есть в российской политике ирреальность и таинство, Ни какой аналитике не доступное каинство. Москвичи ли, владимирцы посреди русской улицы со всех стран проходимцами троекратно целуются. Стол уставлен закусками, под столом — поле минное: пуд алмазного, русского за поножку всемирного. Под листом соглашения протоколы секретные — шоры умалишения на глаза безответные. Затянуло дотемками угол русского пеленга — крымский берег Потемкина, и аляскинский — Беринга. Все давным перемотого, все — на два полушария. ... В корке русского золота голубая Швейцария!

\*\*\*

Елене Р...

Над старой гурбанской дорогой спит ветер, сияет луна. Пожалуйста, память не трогай, иначе взорвется она. За тридцать два года разлуки ни писем, ни встречи в конце, иначе предсмертные муки останутся жить на лице. Любви колокольчик звенящий на тоненькой нитке повис, такой беззащитно-щемящий, как раненый инем лист. Так чисто, свежо, небывало: и август, и росчерк зарниц, как, кажется жизнь просияла сквозь ласточки черных ресниц.

### В НОМЕРЕ:

Виктория Балабуша



Я никогда в себя не верила — дочь врага народа должна быть никем. Скрыв происхождение, поступила в читинский техникум. Вскоре выгнали...

Все это организовало мою душу — одна природа меня не обижала и не предавала. Мечтательность, одиночество...

Валентин Марков



Шо обочине дороги две пары аппетитных ног в одинаковых красных, коротких — до попки — платьях и на высоких черных каблучках, предлагал достойный товар, деловито прохаживались по Асфальтен-бич мимо потухших огней Энергетик-хауз.

Олег Дитов



Сашок понял, что в Китае любят у-шу. Сашок полюбился китайцам, маленьким трудолюбивым людям, изобретателям пороха, бумаги, фарфора, шелка... С круглыми глазами под белесыми ресницами, мощным телом от ушей, тяжелый и медлительный. Сашок двинулся на арене с грацией лесного кабана.

Федор Кренделев



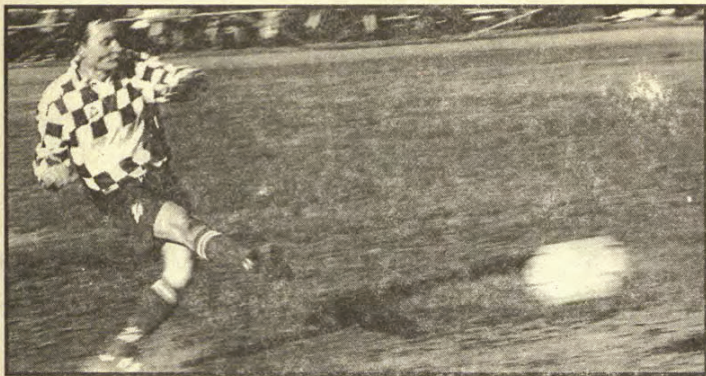
Н аучная дерзость и зрелость, игра воображения и строгая глубина мышления, блистательное мастерство художника — это впечатление после первого прочтения не затмилло быстротекущее время, — написал поэт Михаил Вишняков о стихах Федора Кренделева.

Николай Кузакот



П однимаюсь на террасу. Тропа. Заяц попал в петлю и уснул у дерева. Ворон расклевал бок, полакомился сердцем, печенкой и легкими. Губа не дура. Я снял петлю и положил в карман. А останки зайца оставил. Хоть и разбойник — птица ворон, но в стужу и у нее жизнь не сахар.

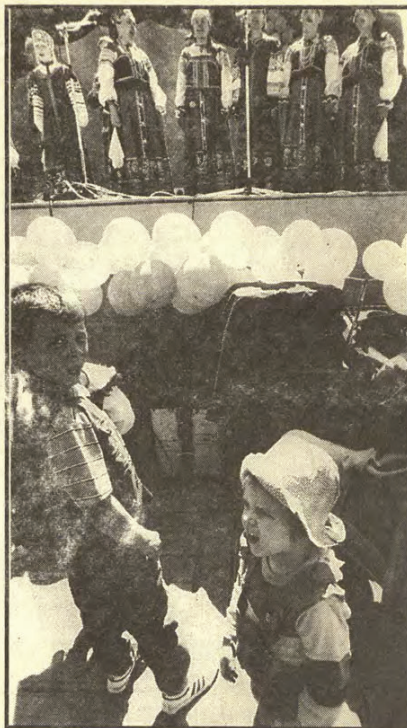




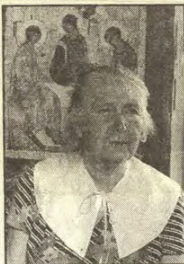
День города—солнечный, радостный, яркий. Земля в синеве и весеннем цвету. На площади, на стадионе и в парке Какие красавицы славят Читу!

Властный удар. (Глава областной администрации Равиль Генатулин во время дружеского матча со звездами российской эстрады 26 мая 1996 г.).

Фото Е. Епанчинцева.



Вика Садовская родилась и выросла на Украине. Ее отец — Геннадий Леонидович — учитель, писатель, участник движения за национальную независимость был узником лагеря политических ссыльных на Соловках. Как и положено в те страшные времена, семья врага народа была выслана в Сибирь. Так будущая жена известного забайкальского писателя Василия Баябина стала читинкой. Воспитанная в среде интеллигентов, книголюб и мечтательница, она с двенадцати лет начала писать дневники, а в тридцать — лирическую прозу... в стол. Как говорит Виктория Геннадьевна, Василий Иванович Баябин неплохо относился к ее увлечению, но она понимала, что должна сделать все, чтобы писал он...



**П**ривезли их на Сурьянку в середине сентября. Изнуренные тяжелой дорогой, обессиленные душевными муками, они молча глядели на свое новое пристанище, что как-то вдруг открылось перед ними с последнего горного перевала. Это был большой старинный рудник, основанный каким-то английским промышленником и заброшенный после революции, а теперь вновь восстановленный и подновленный соответственно требованиям нового времени. Десятков пять изб старожилых рудника, с десятком длинных барачков, а чуть в стороне — лагерь для заключенных, обнесенный высоким дощатым забором со сторожевыми вышками на углах.

Им казалось, что они съезжают в какую-то темную мокрую ямину: сверху, с серого неба, моросил дождь, а горы, высившиеся над поселком, черные дебри сосновых лесов на них, глядели угрюмо и не приветливо. Этот недобрый и чужой мир их будто пророчил путникам неисконность их дальнейшей судьбы: "Никогда, никогда больше не будете вы дышать сладким воздухом вашей отчизны! Никогда не вернетесь вы к милым своим осям, где вы родились, выросли, были свободными! Лишенные родной земли, заклеименные прозвищем жалких изгнанников, вы будете задыхаться и конать в наших каменных объятиях, и никто никогда не узнает о ваших муках и кончине! Прощайтесь же со всем тем, что было вам дорого, что вы всем сердцем любили, прощайтесь со своими надеждами, прощайтесь сами с собою — никогда больше не будете вы такими, как были: теперь вы уже наша добыча!"

— Боже милый, Боже правый! — стонали женщины, глядя на эти чернокаменные скопища, тесней прижимали детей к себе. Не плакали: слезы выплакали еще там, когда покидали свою отчизну, да еще на

тех глухих полустанках, где оставляли своих мертвецов: детей, братьев, матерей. Машины въехали в поселок и остановились перед двумя еще не успевшими потемнеть от дождей и ветров бараками. Во дворе перед входом в один из них высилась длинная поленница дров и топилась большая плита с высокою железною трубою, возле нее хлопотало несколько женщин. Не успели приехавшие сойти с машины, как из этих барачков высыпали какие-то люди и, протгивая руки, с криком побежали к ним. Путники оцепенели от неожиданности, но когда разобрались, что бегут к ним такие же бедолаги, как и они, украинцы-западненцы, — кинулись и сами к ним с плачем и воплями.

— Ой, Боже! — голосили и те и другие. — Ой, людоньки добрые, куда же нас завезли!

— Ой сгинем, сгинем мы, сестры, и деточки наши погинут в этих каменных дебрях!

И те, что прибыли, и те, что встречали, кричали так, что с соседних барачков и изб сбегались люди. Кто потешался над тяжелой их бедою — бандеры, мол, кулачье! А кто и сам слезы утирал.

Когда уже немного стихли плач и крики, новички стали расспрашивать тех, кто прибыл раньше: откуда кто, как да чем здесь живут.

— Лес валим, — отвечали те, — бараки строим для вольнонаемных, коттеджи для начальства, в шахте работаем, на бурвишках. Доразведка по этим местам большая идет, разведка геологическая здесь обосновалась...

— Хвалите Господа, что крыша над головой сразу будет, а как нас привезли сюда, барачков этих и в помине не было, сами их, своими руками построили... в палатках жили.

— Привезли нас весной, а тут еще снег по колено лежит, мать божья! Снегом

нас завяло, вода льдом берется, по ночам волосы к изголовью примерзали...

— Топим чугунки в палатках да молим Бога, чтоб забрал нас поскорее к себе...

— Никого не знаем, нигде ничего нет, дети голодные плачут. Вот же возьмем дрючек (палка, бадог) да и бредем на село, как те жебраки (нищие): "Нет ли верра картошки продать? Молочка детям?" Люди же здесь не приветливые, такое бывало, что собаками нас травдили...

— А ночью налетит ветер из-за гор, воет над палатками, словно бы людскими голосами вопит... кровь в жилах стыла, казалось, не ветер — души людей, замученных тут, голосят над нами...

сердцем все они там, в своих Глиняных, Яворовых, Золочевых, в своих садах и полях, где так волно и хорошо дышится, на своей милой, родной, тужко оплаканной земле, ставшей сейчас для них святыней. Вот поэтому-то в облике этих рослых, многословных и неторопливых людей, с крестьянскими лицами и руками, видится внимательному взгляду одно и то же выражение: выражение несломленного, не покорившегося обстоятельствам горделивого человеческого достоинства.

Они шли сегодня во второй семейный барак, чтоб похоронить любимицу всей украинской колонии, дочку Павлины Шавиловой. Умерла Кася от порока серд-

*Виктория Баябина*

## СТРАДАТЕЛЬНАЯ МАТИ

Воскресный день этот в начале сентября выдался мгlistым и хмурым. Над темными вершинами сопок, над рудничным поселком у подножья их, плыли и плыли иссина — сизые, набухшие влагою низкие тучи.

К длинному барачку, в котором жили семейные спецпереселенцы с западной Украины, сходились этим днем их соотечичи с разных концов поселка, чтоб похоронить покойницу. Шли по одному, по двое, все в чистой одежде, женщины в белых ситцевых платках, старательно повязанных под подбородком. Еще так недавно там, в своих селах на Львовщине, на Тернопольщине, на Ровенщине, они были уважаемыми людьми, свободными и полновластными господами на своей земле, в своих хозяйствах, а сегодня, лишенные и земли и хозяйства, вместе с ними и Родины, тянут ненавистную лямку подневольными людьми в этом Кашеевом царстве, в этой горной ледяной пустыне на краю света, куда, по прежним их понятиям, черный ворон не долетывал, лютый зверь не дорыскивал.

Что ж, они подчинились силе. Телом подчинились, но не душой. А душой,

ца. Кто знает, сколько бы прожил Кася, ясноглазая, кроткая и ласковая девушка, почти подросток, если бы не случилось то дикое, жестокое, что случилось: раскулачка, изгнание, крестная дорога в Сибирь в телячем вагоне, где от грязи, тесноты, голода умирали люди, и самое тяжкое — арест отца перед самым отъездом, полная неизвестность о нем, ни единого письма, ни весточки. Это они, Кася с мамой, приехали сюда с первой партией, это они жили в палатках, занесенных снегом, это их люди, а с ними и Касина мама, валили лес, строили спешно этот барак, чтоб обогреть и сохранить хоть бы остаток детей.

Кася сильно тосковала по отцу, по родному краю. В снах она видела свои Глиняные, свои большой дом.

— Мамуно, — рассказывала она отцу, — приснилось мне, будто мы дома, на Украине... и будто темная-темная ночь, тишина, и в саду, с той креслатой (ветвистой) яблони, что возле погребя, падают в траву поспевшие яблоки: бух, бух! Потом еще через малое время снова — бух, бух! И то как славно было мне, так утешно на душе, словно я музыку какую-то небесную слышала...



**24** мая, в День поминовения создателей славянского алфавита святых братьев Кирилла и Мефодия, чья подвижническая деятельность в IX веке открыла путь к просвещению на Руси, у нас в городе в шестой раз отмечался Праздник славянской письменности и культуры.

Утром в актовом зале Читинского государственного педагогического института им. Чернышевского состоялось открытие Праздника и начала работу научно-практическая конференция "Славянская культура. Традиции и современность". Пока ученые люди обсуждали свои мудреные проблемы, на Театральной площади Читы шло народное гуляние. Началось оно театрализованным представлением "Россия, Русь, храни себя, храни...". В нем были заняты учащиеся Читинского училища культуры и любительские театральные коллективы из районов области и города.

А потом зрители могли посмотреть выступления народного ансамбля танца "Радуга" училища культуры, ансамбля эстрадного танца "Вдохновение", студии бальных танцев "Хип-твист", народного танцевального коллектива "Россиянка" ДК железнодорожников. Послушать духовой оркестр штаба ЗаБВО и потанцевать под звуки его тоже много любителей нашлось.



## ПРАЗДНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В ЧИТЕ

Ребяташкам два своих спектакля показал народный театр кукол из села Улеты. А модницы городские смогли познаться с коллекцией современной одежды, представленной Читинским Домом моды "Элегант".

Вечером в концертном зале областной филармонии состоялся литературно-музыкальный вечер "Слово и музыка". Там слились воедино духовная и классическая музыка со старославянскими текстами и волшебными стихами Лермонтова, Блока, А. Толстого, Ю. Левитанского и А. Кольцова, а русская песня — с русской сказкой. Стихи звучали в исполнении заслуженной артистки России В. Зуховицкой и студентов педагогического института, а музыкальные произведения исполнял хор Центральной детской музыкальной школы под руководством заслуженного работника культуры России З. Мистюковой, хор школы-гимназии, руководителем которым Н. Волжанина и наши гости из села Нижний Цасучей, вокальный ансамбль "Канцона" преподавателей Ононской музыкальной школы. В вечере принял участие заслуженный работник культуры России, поэт М. Вишняков.

**Любовь ПАПУЛИНА,**  
ведущий специалист  
областного Центра  
народного творчества  
и досуга.

Или еще так: "Приснилось мне, мамшо, что мы с татом идем по тропе вдоль ключика под теми старезными вербами, что за нашим огородом. Весна будто бы, ключик уже растаял, бежит, радуется воле; вербы нежно-нежно распускаются, ветви как гириляды, свесились до самой земли, а под ними уже молодая трава зеленая-зеленая, а по ней все рясст, рясст, тендитные белые чашечки крохотные, похожие на те белые восковые цветы, из которых монашки веночки на фату делали невестам. Идем мы будто бы, любимся квиточками этими, а тато и говорит: "Нарви, Касю, ряссту, сплети себе веночек". Мне и хочется нарвать ряссту, и жалко его: ведь он только-только на свет божий выглянул, пожить не успел... так и не нарвала..."

Женщины-украинки, услышав этот сон, грустно качали головами: "Не сплести, видно, Касе веночек на свой велец: "Болельн и чужбина точили ее тело и душу. Она стала худенькой, легонькой, прозрачной."

— Мамшо, — сказала она как-то, уже сильно хворая, — взойти бы мне вон на ту самую высокую гору, что над нашим поселком... поглядеть хоть в ту сторону, где наша Украина...

...В длинном бараке с тремя столбами-подпорками посредине, с двумя рядами нар по сторонам, с огромной плитой поближе к дверям и еще большим столом со скамейками с обеих его сторон, печальная тишина. Слышно, как в соседней казарме лагерных охранников кто-то играет на балалайке, смех.

Касю уже уложили в гроб, поставленный в переднем углу под иконами на двух свинутых скамейках. Ее уже обрядили в дальний путь, как принято у них на родине. Нежное беленькое ее лицо в золотых конопушках еще как живое. Ее намеченные бровки ее чуть приподняты, она будто удивленно и радостно глядится и вслушивается во что-то, что открылось ей теперь. Она в белой кофточке с длинными рукавами, в юбке в клетку, на гладко причесанных льняных волосах веночек из брусничного, вместо барвинку, листа. Среди этих листьев вплетены желтые и розовые бессмертники. На правой стороне груди ее лежит маленький образок Божьей Матери с младенцем Иисусом, на левой — розовый бант из широкой ленты. Восковые руки вытянуты вдоль тоненького тела — девушка ведь. В одной руке цветной полшалок, в другой — белый носовой платочек, в нем горстка родной зем-

ли, что привезли с собою. В изголовье гроба — большая икона и горят три свечи, поставленные в банки с пшеницею.

Тут сейчас все, кто пришел, и кто живет в этом бараке. Сидят по двое, по трое на чисто застланных нарах, на лавках, стоят у открытой двери. Мать Каси, Павлина Шаловилова, еще не старая женщина, исплаканная, исхлестанная горем, бесильно склонилась над дочерью, правой рукой обняла тело покойницы, говорит негромко с нею, как с живого: "Доню моя, квиточко моя весенняя, не бойся ничего — Матерь Божия не оставит тебя, день и ночь молить ее за тебя буду. И я тебя не оставлю, дытню моя, шодня буду приходить к тебе, грудью стану греть могилоньку твою, поливать ее слезами своими... а как настанет мой час... рядом с тобою навечно лягу..."

— Ой, Боже мой, Боже мой! — вдохнет кто-нибудь из женщин и перекрестится.  
— Боже милый, Боже правый! — ответит ей другая таким же вздохом-стоном, и снова наступит тишина.

Пришел фотограф. Тут к гробу приступили взрослые крепкие девчата, три раза качнули его перед порогом и вынесли во двор. Все столпились вокруг Каси, даже солдаты-охранники бросили свою балалайку и высыпали на улицу.

Как закончил свое дело фотограф, все стали прощаться с покойницей, потом подошли старики с гвоздями, молотками, чтобы закрыть и заколотить навечно новое Казино жилище. Что тут случилось! Не своим голосом крикнула Шаловилова, охватила домовину руками: "Не дам! Не троньте... Не надо! Отойдите! Дайте мне наглядеться на мою дытню! Убейте и меня, убейте! Схороните вместе с нею!" Тут будто вихрем ударило, взметнуло: протягивая к Касе руки, все закричали, запричитали... застучали молотки... Небольшой, тесно сплоченной общим гражданским несчастьем колонией шли украинцы-западцы по поселку. Впереди молодой парень нес обвитый цветами и лентами деревянный крест. Потом три пары девушек-подростков несли большие венки из хвой и осенних цветов, за ними медленно плыл — несли на руках — гроб, за гробом под руки вели еле живую мать, затем шли уже все остальные.

Выступали неторопливо и торжественно, лица у всех были сурово замкнуты. Люди эти будто бросали кому-то молчаливый и гордый вызов.

...Сильными молодыми голосами начали песню сестры Страндские:

Страдальная мати пид крестом стояла,

Стала рыдати, в слезах промовляти...

Песню подхватили все остальные, наполнили ее своею тоскою и любовью: Ой, сыну мий, сыну, за яку провину Переносиш нине тяжкую годину

На хресті?..

Шли одним телом, плечо к плечу, локоть к локтю, шаг в шаг, словно тайно закладываясь стоять на чем-то своем до смерти.

К воротам и калиткам, на крылечки изб и баракы выскакивали люди, жадно глядели вслед процессии, переговаривались, может быть, тайно сочувствовали, а может, злорадствовали: кулаче, бандеры, хохлы!

Я тебя купала гирками слезами, Як малым ховала перед ворогами, А ныне я плачу, бо тебя вже трачу, Вже ти, милый сыну, бильше не побачу, Сыну мий...

Солнце пошло уже на вторую половину дня, горы очистились от мглы. По-осеннему нарядные и печальные, прощально сияли в глубокой синеве небесной.

Моя ты, дытню, мий ты свите ясный, Згаснув ты заскоро, завянув, бессчастный,

А шо ж то зи мною станеш, сиротою,

Я сама на свити, як была, стою, Сыну мий...

Песня чайкой-вдовицей плакала, стонала над людьми, неслась в небо, летела к осенним горам...

Показалось кладбище: на склоне горы между высокими соснами и березами — почерневшие старые и новые кресты, облезшие пирамидки с выцветшими звездочками, а вот и свежая яма, с двух ее сторон по холмику земли пополам с песком и галькой. Все остановилось, столпились у гроба, потом под общий плач и крики опустили домовину в яму.

И тут умолкло все: голоса, причитания, плач, все встали, где кому пришлось, и пропели Касе последнюю песню — Вечную Память.

Сомлеющую Шаловилу женщины подняли и отнесли в сторону на траву, а самый уважаемый в украинской колонии человек — старый Король Ромашкан, взявши в руки заступ, сколько мог громко и торжественно сказал: "Молитесь, люди добрые, о душе рабы божьей, девицы Катерины!"

Гранули комья земли о крышку гроба, и тут все, старые и малые, клякля на колени, и пока Король и хлопцы засыпали могилу, истово и тихо молились о невинной и чистой душе Каси.











Николай Кузак

**Н**а юго-востоке километрах в девяти от санатория "Молоковки" грядой возвышается стеновой хребет. Летом он купается в синеватой дымке. С утра до ночи над хребтом курявятся облака, точно белые безгрешные души. Под ними кружат орлы, наслаждаясь высотой и бескрайними лесными далами. Радуюсь теплу и солнцу, мелодично позванивают родники. У подножья этого хребта среди ерниковых зарослей на подушке вечной мерзлоты и родилась речка Молоковка. Скатившись в низину, бежит она по угрюмой пади среди высоких гор. Я пообещал своим товарищам за новогодним столом угостить их дичиной. Поставил в вершинке Молоковки петли на зайцев и вот иду их проверять.

Утро. Тропа ведет меня по левой стороне речки по подножью гор. День сегодня рождается в великих муках. Солнце, с трудом осилив горы, лежит на шетинистых грибах, точно отлитое из куса льда, холодное и равнодушное ко всему. Вадали, тронутый благодарной сединой, в глубокой задумчивости возвышается стеновой хребет. Мороз под сорок. Но в нем нет обжигающего холода, какой бывает при хирузах.

Морозная тишина. В ней отчетливо слышен даже малейший шорох. С покати хребта доносится отчаянный стук дятла. Робко потрескивают деревья. Вот тишину испорил резкий, упругий, как удар бича, звук — лопнул лед на речке. Солнце, точно испугавшись этого звука, вздрогнуло, проснулось и пролило в падь поток холодного света. Лес преобразился, ожил.

Подхожу к лобастной сопке. Она угрюмо смотрит на меня, точно недовольная, что нарушил ее покой. Из-под сопки бил минеральных источник. На месте его образовался светло-коричневый ледяной холмик. Вокруг него кучатся заросли багула, стоят одинокие еще совсем юные березки и лиственки. Ветки их в куржаче, как в волшебных кружевах, которые искрятся, играют разноцветными огнями. И кажется, что все вокруг наполнено их мелодичным звоном. Я стою завороченный этим чудом.

Природа. Неповторимый художник. Творец жизнеутверждающей красоты и радости. В ней нет мертвых красок. Взгляните на водопад: это каскад неугасимого движения и ликующей жизни. Остановитесь перед горным озером: в нем небесная задумчивость и тихая грусть. Перед вами буреломы: в них не смерть, а все сокрушающая сила. Приглядитесь к скалам, они постоянно меняются: то стоят грозные и неприступные, то светлые и веселые, то усталые и отрешенные. Камень, но он живой. И ни одна картина не повторяется. От всего исходит покой, тот

тот благотворный покой, который твою душу делает чище и добрей. Падь незаметно сужается. Горы смотрят друг на друга через речку. На них озябшие деревья не шелохнутся. Впереди под сопкой показались валуны, присыпанные снегом. Между ними что-то мелькнуло, точно черная молния сверкнула среди каменных глыб — погасла. Какой-то зверек. Я прибавил шагу. Шарю взглядом по валунам, по ерниковым зарос-

лым снег, белый лес, белый воздух и даже белая тишина. Чудо. Берез такой девственной белизны, как у нас в Забайкалье, нигде в мире нет. Даже летом, есть такие уголки березовых роц, в которые входил, как в снежную метлицу. От белизны боль в глазах. Величавая и божественна красота природы в ее простоте и удивительной гармонии.

Я подхожу к террасе. Впереди послышался крик ворона. На тер-

# ГРЕМУЧИЙ

# СНЕГ

лям. Нет никого. Должно быть, показалось. Скорей всего кака-нибудь пичужка на ерниках кормилась и упорхнула в чепуру. Подхожу к валунам. На них весь снег в чьих-то следах, как в оспинах. На одном валуне перышки синицы, несколько капель крови. Кто-то позавтракал пичужкой.

Обхожу валуны. Свежий след. Отпечатался даже каждый коготок. Черная молния... Не могу поверить своим глазам: след соболя. Подарок судьбы. Вспомнилась соболина охота. Это были лучшие годы в моей жизни. Иду по следу. Соболю перебежал низинку, на крайней леса вскочил на колодину, потоптался на ней, должно быть, меня высматривал, затем строчка следов потянулась по распадку к вершине горы.

— Счастливого пути тебе, охотник, и удачи, — мысленно напутствовал соболя.

Но вот горы расступились. Передо мной стеновой хребет. У его подножья небольшая марь, присыпанная снегом. Она похожа на белое озеро с неровными рваными берегами. Здесь рождается речка Молоковка. Вокруг тишина, покой. Но это обман. Под толщей могучего хребта не утихла жизнь, она вырывалась наружу, проливалась в лесные долины множеством ключей и речек. Ключи кипят, над ними клубится туман, одеявая деревья в серебряную чеканку.

Я перешел марь и стал подниматься в хребет. На подоле его рос лиственный лес. Деревья приземистые, по веткам их густо рассыпаны коричневатые шишки с ноготъ величиной. Под корявой двухствольной лиственницей снег сплошь покрыт чешуйками от шишек. Белка завтракала. Самой ее нет. Убежала в другое кормовое уголье. А, может, решила поискать сушеных грибов. Эта еда всятаки посолдней, чем орешки от лиственных шишек. Всем хлеб насущный достается нелегко.

Солнце уже брело над стеновым хребтом. Между деревьями на снегу лежали светлые полоски. Я по своему старому следу неторопливо поднимаюсь в хребет. Снег перемерз, превратился в ледяные кристаллики и не скрипит под ногами, а гремит, точно я иду по мелкой каменной россыпи. Лиственный лес редет. Вскоре он остался позади, и я очутился в березовом лесу. Бе-

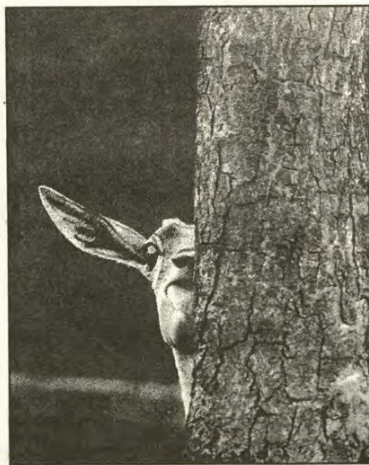
расе стоят петли на зайцев. У меня екнуло сердце: эти разбойники не раз грабили меня. Как они умудряются найти в лесу чужую добычу, одному Богу известно. Видимо, охотника тропят.

Поднимаюсь на террасу. Тропа. Заяц попал в петлю и уснул у дерева. Ворон расклевал бок, полакомился сердцем, печенкой и легкими. Губа не дура. Я снял петлю и положил в карман. А останки зайца оставил. Хоть и разбойник — птица ворон, но в стужу и у нее жизнь не сахар.

— Извините, друзья, за новогодним столом не будет жаркого из зайчатины.

Я смахнул с колодины снег, присел и закурил. Над горами, проводив солнце, горела заря. Пролетел табунок рябчиков на ноцлег. Недалеке на ветку березы опустилась сойка и стала рассматривать меня.

— И нам с тобой пора к ночлежку тропу топтать, — говорю я. Сойка снялась с ветки и улетела. Заря погасла. Низины потемнели. В горы по распадкам поползли сумерки. Мороз усилился. На террасе разбойничим выстрелом треснуло дерево. Где-то с перепугу писнула птичка. Я спустился с хребта и вышел на тропу, ведущую к санаторию. В распадке ночь, густая, наступившая. Горы стоят темными призраками. Низко висит небо с крупными продрогшими звездами. Я спешу. У меня под ногами в морозной тишине гулко, раскатисто гремит снег. Встревоженный этими гремучими звуками с соседней сопки мне вслед кричит гуран: "По-о! По-о! По-о!"



Эти стихи написаны удивительным человеком, членом-корреспондентом Академии Наук СССР, профессором Федором Петровичем Кренделевым. Все, кто общался с ним, помнят его острый ум, нестандартные идеи, энциклопедичность знаний. Основные труды его были в области геохимии, начинал он свою карьеру, исследуя рудные месторождения Болгарии, затем переехал в Новосибирск, много работал по Удоканскому месторождению меди. В 70-х годах Федор Петрович создал Геологический институт в Улан-Уде, а затем в Чите наш Институт природных ресурсов Сибирского отделения Академии Наук.

Помимо специальных вопросов геологии, его интересовало все, что есть в природе: как можно "пасти" китов в океане, почему в процессе эволюции человек потерял волосяной покров, как разводить сады над линиями теплоцентралей и т.д.

Но самым любимым "коньком" был остров Пасхи, о котором он написал книгу "Папа-Нуи" (Пуп Земли). Сибирский геолог, живущий в Чите, он постоянно переносился мыслями в экзотическую страну каменных истуканов и потухших вулканов, погружался в отчеты экспедиции Кука и мистерии длинноухих и короткоухих.

Он умер рано и внезапно — в 60 лет. Мы так и запомнили его молодого, нестандартного, замечательного русского ученого.

**Владимир МАЗАЛОВ,**  
директор Читинского института природных ресурсов Сибирского отделения Российской Академии Наук.



Федор Кренделев

В одном городишке  
В середине Сибири  
Мальчишки  
Могильные плиты разбили:  
Камнями швыряли  
В портрет моей мамы,  
Отцово лицо  
Как от оспы, все в ямах.  
Поломаны ветви  
Деревьев зеленых,  
Оградки уж нет,  
Все в траве опаленной...  
А я все мотаюсь  
По белому свету —  
Рим, Лондон, Париж,  
И покоя мне нету.  
Белград и София,  
Берлин, остров Пасхи...  
Мир дивно красивый  
В нем яркие краски.  
Памир и Кавказ,  
Гималаи и Анды,  
Березки и пальмы,  
Кусты и гилянды.  
Дворцы, минареты  
И юрты, и сакли,  
Орлы и гагары,  
Пингвины и цапли.  
Японцы, индусы,  
болгары и финны  
И нету конца бесконечному фильму...

О как счастлива,  
радостна нынче жена,  
И поет,  
И смеется,  
Как в сказке доймочка.  
Дом наш — полная чаша,  
Всего в нем хватает.  
И желанья жены  
Исполнялись всегда  
И сполна...  
Но скажите, пожалуйста,  
Кто из вас угадает,  
Что жена угадает всю жизнь  
Голубого слона?

1974 год.

## СВАДЬБА

В огороде стог соломы,  
След сорочий выткан стежкой.  
Не беги одна из дома  
Снежной искристой дорожкой...  
За столом шальные лица,  
Пьяный крик немолчный —  
горько!  
Гнут со скрипом половицы,  
Бабий запах —  
душный, терпкий.  
За кружевной занавеской  
На куму кум дышит жарко.  
Пьяный сват, как черт,  
с невесткой

Рассуждает с полной чаркой:  
Холит, гладит грубой лапой,  
Усом чарке бок шекочет...  
Всю бы выдул — да куда там:  
И не может уж, а хочет.  
Дверь в сенях как заводная  
Гулко бьется, так и ходит.  
Вся компания хмельная  
Брагой пенной колобродит...  
В огороде стог за домом,  
Весь белесый в лунном свете:  
Молодые мнут солому  
и смеются...  
Будто дети.

А годы идут,  
И теряются силы;  
И тянется сердце  
К отцовской могиле, —  
Где дерево спит,  
В изголовии справа,  
Где камень разбит  
И повержены травы...  
1985 год

## ГОЛУБОЙ СЛОН

Подарили жене голубого слона,  
Вислоухого, ватного,  
Хвостик — веревочка...



---

## **Это была демоверсия книги - Газета "Чита литературная" за 1996 год**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34